

ГЛАВА XXI. БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Аннотация

Данная глава фокусируется на важной сфере интеграции проекта «Большой Евразии»: сфере обороны и безопасности в условиях вывоза пандемии COVID-19. Глава подробно рассматривает измерение обороны и безопасности «Большой Евразии» на примере военного сотрудничества Китая и России как основного драйвера «Большой Евразии». Делается вывод, что к 2016 г. в российско-китайских отношениях был достигнут «средний» уровень военного взаимодействия, что открывает возможности для дальнейшей интеграции. Однако, учитывая, что отношения двух великих держав строятся на прочной основе национальных интересов и суверенного равенства, дальнейшая военная интеграция России и Китая ставится под сомнение. Пандемия в условиях нарастающего противоречия с официальным Вашингтоном активизировала более самоуверенное и напористое поведение официального Пекина на внешней арене.

Ключевые слова: Большая Евразия, интеграция, вызовы, коронавирус COVID-19, Россия, Китай, военное сотрудничество.

Пандемия коронавируса (он же SARS-CoV-2 или COVID-19, 2019-nCoV), которая согласно китайскому офису Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) начала своё распространение из Уханя не позднее декабря 2019 г., теперь прочно заняла своё место в плеяде вызовов глобальной безопасности и соответственно получила научную рефлексию со стороны как западных [28, 29, 32, 35], так и отечественных учёных [5, 7, 8, 19, 23, 26]. На момент написания данной статьи (2020 г.) «ученые пытаются разработать вакцину против вируса 2019-nCoV, и ВОЗ оказывает им помощь» [21].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00038 А «Архитектура безопасности в “Большой Евразии”: состояние, перспективы и возможности для России». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-014-00038 А “Security architecture in “Greater Eurasia”: state, prospects and opportunities for Russia”.

Согласно сведениям журнала “Nature” [30] уже в апреле 2020 г. по всему миру в разработке ряда фармакологических компаний (например, Moderna, Pfizer, Johnson&Johnson, GlaxoSmithKline) и исследовательских групп при университетах находилось более 90 вакцин против SARS-CoV-2. Исследователи испытывали различные технологии, некоторые из которых ранее не использовались в лицензионных вакцинах. К примеру, создание прививки на основе ДНК или РНК вируса. Эти методы очень заманчивы, потому что с их помощью вакцину можно сделать за три месяца. Но пока они так и не доказали свою эффективность» [9] – отметил в своём интервью каналу “Euronews” профессор французского Института Пастера Фредерик Танги.

11 августа 2020 г. президент РФ Владимир Путин объявил о регистрации в России первой вакцины от коронавируса – «Спутник V» (Клинические испытания «Спутника V» начались в июне 2020 г. в Сеченовском университете и военном госпитале имени Бурденко). Международное сообщество, в том числе и в Европе, отреагировало на регистрацию вакцины довольно эмоционально. Основная претензия заключалась в том, что Россия сократила этапы тестирования вакцины. Так, например профессор Университетского колледжа Лондона (University College London) Франсуа Баллу «российское правительство обошло стороной надлежащие испытания своей вакцины на безопасность и эффективность, которая была одобрена всего после двух месяцев испытаний на людях» [36].

9 ноября 2020 г. американская компания “Pfizer” и немецкая компания “BioNTech” объявили, что антиковидная вакцина, над которой они работают совместно, прошла третью фазу клинических испытаний и на 90 % эффективна [37].

Что касается ситуации в мире, то в некоторых странах сначала наметился существенный прогресс в борьбе с эпидемией (Италия, Франция, Испания), в то время как в других (Бразилия, Аргентина, Перу) достигла чудовищных масштабов. Однако, как только власти начали ослаблять режим карантина (июнь-июль 2020 г.) и жизнь начинала возвращаться к нормальному ритму, с началом осени начались новые вспышки заболеваний “SARS-CoV-2”, ознаменовав начало

«второй волны». Так, ВОЗ полагает, что для 11 стран Европы сложилась особо опасная ситуация, которая поставила системы здравоохранения на край пропасти. Ситуация во многом осложнилась из-за шенгенских правил, которые регулировали упразднение пограничного контроля на внутренних границах и возобновления с 1 июля 2020 г. туристического сезона.

Безусловно, традиционные вызовы в виде возможной ядерной войны или нового военного конфликта, международного терроризма, растущей миграции, экономических неурядиц и социального неравенства никуда не исчезли, но слегка отошли на второй план из фокуса международного сообщества в 2020 г. Однако, это не означает, что кумулятивный эффект от их комплекса, наложенный на пандемию, которая рано или поздно пройдёт, не даст новый, неожиданный результат для политики различных государств и всего мирового порядка в целом. Гипотезы о судьбе миропорядка после пандемии и в условиях нового экономического кризиса различны: от «нового биполярного мира» [2] до сохранения ранее созданной многополярности, но в обновлённом виде [20]. Кроме того, пандемия вновь активизировала давний спор в рамках политической науки о процессе ослабления международных институтов [3].

Для концепции «Большой Евразии» [24], как, впрочем, и для других международных проектов и институтов, вся описанная выше сумма вызовов является настоящим стресс тестом на прочность и приспособляемость к меняющимся условиям. В условиях пандемии COVID-19 под сомнение ставится способность и своевременность системного межгосударственного сотрудничества как такового.

Для того чтобы если не сформулировать, но наметить несколько сценариев дальнейшего развития данного регионального международного сообщества необходимо проанализировать его по сферам интеграции, которая сейчас получает наибольшее давление со стороны неблагоприятной среды. В данной главе мы обратим наше внимание на сферу обороны и безопасности.

Военно-техническое сотрудничество и угроза биологической безопасности в «Большой Евразии»

После крымских событий в марте 2014 г. и последующей за ними «гибридной войной» (hybrid warfare) на востоке Украины политика в сфере обеспечения безопасности на пространстве Евразии находилась под давлением нового витка противостояния между Россией и Западом, носящего системный характер. По словам Д.А. Данилова «и Запад, и Россия признали», что «вести дела как прежде» (*business as usual*) невозможно, что означает вступление, по западной терминологии, в длительный период «стратегической конкуренции» – в противовес ориентации на стратегическое партнерство» [10]. Кроме того, постепенной эрозии подверглась правовая база в области контроля над обычными¹ и ядерными вооружениями, которую тщательно и кропотливо строили в течение последних нескольких десятилетий.

Ещё одной из ранее существовавших проблем безопасности в пространстве «Большой Евразии» помимо конфронтации США и России нужно рассматривать гонку вооружений Америки и Китая, во многом сосредоточенную в сфере ряда прорывных технологий (искусственный интеллект, робототехника, гиперзвуковое и сверхточное вооружение и т.п.). Катализатором которой стала выдвинутая США в 2014 г. «Оборонная инновационная инициатива» (Defense Innovation Initiative, DII). Основной идеей DII, согласно меморандуму министра обороны, является укрепление американского превосходства перед лицом противника за счет «интеллектуальных» решений [39]. В свою очередь в 2015 г. Китай выдвинул «Белую книгу по военной стратегии», в которой внимание уделяется созданию разведывательных и наступательных возможностей в киберпространстве, развитию войск РЭБ и созданию специализированных видов оружия (например, противоспутникового) [12].

¹ К основополагающим элементам этой системы следует отнести Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г., Венский документ 1990 г. переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности (ВД 90) и Договор по открытому небу (ДОН) 1992 г.

Именно «сочетание торговой войны КНР и США, стратегического противостояния России с Западом с одной стороны» [13, 18] и всё более тесных отношения между Россией с Китаем стало тем драйвером, что должно было создать новую систему безопасности «Большой Евразии». По словам А.В. Лукина «позиции России и Китая по региональным конфликтам близки или совпадают. Это проявляется в одинаковом голосовании в ООН по Корейской ядерной проблеме, ядерной программе Ирана, ситуации в Ливии и Сирии, а также тесной координации линии по этим и другим региональным конфликтам» [18]. Также статус постоянных членов Совета Безопасности ООН ставит Китай и Россию в равное положение с более мощным государством – США.

При этом важно следующее замечание Г. Розмана: исследователи и аналитики «так и не пришли к единому общему мнению о том, что такое российско-китайское партнёрство, почему оно развивается, что оно означает и насколько устойчиво оно будет» [38]. Между тем долгосрочность и перспективность проектов «Пояса и Пути» находятся в прямой зависимости от выстроенной системы безопасности в «Большой Евразии».

Поэтому степень военного сотрудничества Китая и России можно оценить, воспользовавшись походом А.Н. Королёва: «Представленная система предлагает следующий способ объективной оценки степени военного сотрудничества государств, согласно которому вместо простого перечисления рассматриваемые показатели могут быть соотнесены с различными стадиями сотрудничества – начальной, средней или продвинутой. Чтобы более эффективно отслеживать тенденции сотрудничества, в предложенном подходе также оцениваются его изменения в рамках каждой стадии – от низкого уровня к высокому, а не просто дихотомически кодируется наличие или отсутствие соответствующего показателя» [14].

Правовой основой сотрудничества нового этапа военной совместимости выступает «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве РФ и КНР 2001 г.» [11], а также основание организации Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в том же году.

Согласно оценкам экспертов к 2016 г. между Россией и Китаем была достигнута средняя степень военной совместимости [40]:

- с 2005 г. проходили регулярные сухопутные и морские военные учения¹, которые имели целью продемонстрировать мировой общественности, прежде всего глобальному Западу, что Россия и Китай способны ежегодно проводить масштабные военные манёвры с привлечением тысяч военнослужащих и сотен единиц техники;

- объём поставок вооружений и военной техники в Китай превысил 3 млрд. долларов США [25]. Военно-техническое сотрудничество играет важную политическую роль, обеспечивая стратегическую глубину российско-китайского партнерства.

Таким образом, можно сказать, что достигнутый к 2016 г. уровень военного взаимодействия позволял странам перейти со среднего уровня на продвинутой, который, согласно подходу А.Н. Королёва, «характеризуется тремя основными показателями: наличием элементов интегрированного военного командования, размещением вооружённых сил или военных баз на территории государств-союзников и возникновением единой оборонительной политики» [14].

Достигнутый «средний» уровень военного взаимодействия открывает возможности для перевода отношений КНР и РФ на уровень эффективно действующего военного союза с возможностью формирования многонациональных вооружённых сил. Надо сказать, что практика создания многонациональных бригад распространена, например, в структурах НАТО и ООН. Участие в большинстве современных миротворческих операций и операций по урегулированию кризисов чаще всего также предполагает использование многонациональных сил.

¹ Мирная миссия (2005 г.) – первые совместные военные учения РФ и КНР; Мирная миссия (2007) – антитеррористические учения стран ШОС, в которых принимали участие Киргизия, Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан; Мирная миссия (2009) – вторые совместные военные учения РФ и КНР; Мирная миссия (2012) – антитеррористические учения стран ШОС, в которых принимали участие Киргизия, Китай, Россия, Казахстан и Таджикистан; Мирная миссия (2014) – совместные антитеррористические учения стран ШОС, в которых принимали участие Киргизия, Китай, Россия, Казахстан и Таджикистан. В 2012 г. начались российско-китайские учения другого плана – «Морское взаимодействие». В 2015 г. «Морское взаимодействие – 2015» проходило в контексте украинского кризиса. В «Морском взаимодействии-2016», проходившем с 12 по 19 сентября в спорных водах Южно-Китайского моря. В мае 2016 г. Россией и Китаем были впервые проведены совместные учения по аэрокосмической безопасности «Воздушно-космическая безопасность-2016».

Однако в российско-китайском случае во многом продвинутой стадии военного сотрудничества противопоставлена сама идея реалистического подхода, которой придерживаются страны. По мнению Д. Тренина, «отношения двух великих держав – России и Китая – строятся на прочной основе национальных интересов и суверенного равенства. Ни в Москве, ни в Пекине не считают необходимым связывать свободу действий на международной арене заключением военно-политического союза <...> И для Москвы, и для Пекина собственные интересы и национальная безопасность однозначно перевешивают любые другие соображения» [26].

По мнению ряда исследователей [31] есть и факторы, которые создают основу для военнослужащих в многонациональных бригадах и могут в теории помочь сформировать интегрированную армию Китая и России: базовые принципы организации армии как социального института, характер операций, эффект чужого окружения, временная природа национальных соединений.

Отдельно стоит упомянуть о мерах биологической безопасности, которые предпринимались обеими странами в период военно-технического сближения «среднего уровня». Ключевым международно-правовым документом, направленным против биологического оружия, является «Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия» (КБТО) (1972 г.) [15]. Данный документ является бессрочным. По состоянию на январь 2020 г. в Конвенции принимают участие 183 страны. Депозитарии: Россия, США и Великобритания. «Однако режим КБТО содержит столько недомолвок и изъятий, что говорить о его эффективности и всеобъемлющем характере не берется никто» [1]. Перечислим следующие вопросы и проблемы, касающиеся режима КБТО.

- Понятие «биологическое и токсинное оружие» не имеет в тексте Конвенции точного определения и разъясняется через концепцию «количества и цели».

- Вопросы возникают из-за отсутствия в тексте конвенции прямого запрета на применение биологического оружия.

- Отсутствие механизма проверки (верификации) выполнения государствами-участниками своих обязательств. Из-за этого сомнения какой-либо

страны в выполнении любым другим участником положений документа не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты с помощью международных инспекций.

- Стремительное развитие и конвергенцией биологических и химических наук, а также возможность двойного применения микробиологических агентов.
- Финансовые трудности, обусловленные несвоевременной выплатой и неуплатой странами начисленных взносов.

Следует также сказать, как страны, входящие в «Большую Евразию», способствовали укреплению режима КБТО. Россия в ходе работы Подготовительного комитета VIII ОК КБТО (Женева, 26–27 апреля 2016 г.) [28] представила две инициативы:

1) о создании в формате КБТО мобильных медико-биологических отрядов в контексте реализации Статьи VII КБТО для оказания помощи в случае применения биологического оружия, расследования такого применения, а также для борьбы с эпидемиями различного происхождения;

2) о создании в формате КБТО Научно-консультативного комитета для анализа научно-технических достижений, имеющих отношение к Конвенции, и предоставления государствам соответствующих рекомендаций.

Китай в свою очередь в рамках данной сессии предложил создать кодекс поведения ученых биологов, а также учреждение под эгидой ООН многостороннего экспортно-контрольного механизма применения биологического оружия, основанного на принципах инклюзивности и справедливости [16].

Перед следующим Совещанием государств-участников (Женева, 4–8 декабря 2017 г.) [22] проходили многочисленные встречи государств, где обсуждались, в том числе вопросы уменьшения риска биотерроризма¹ и повышения готовности к вспышкам заболеваний. Итогом самого Совещания стал документ, который закреплял обязательные ежегодные «двухнедельные встречи экспер-

¹ Биотерроризм предполагает осуществление по тому или иному адресу угрозы преднамеренного, сознательного и целенаправленного использования патогенных микроорганизмов – вместо взрывчатых веществ и других средств поражения, применяемых при совершении «традиционных» террористических актов. См.: Лобзин Ю.В., Лукин Е.П., Лукин П.Е., Усков А.Н. Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее // Медицина экстремальных ситуаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioterrorizm-v-ryadu-biologicheskikh-ugroz-prshloe-i-nastoyashee>.

тов по пяти темам: международное сотрудничество в мирных целях; национальное осуществление; научно-технические вопросы, имеющие отношение к КБТО; помощь, реагирование и сотрудничество; институциональное укрепление Конвенции» [16].

Итогом Совещания государств-участников следующего года (Женева, 4–7 декабря 2018 г.) стало решение о создании добровольного фонда оборотных средств для стабилизации финансовой ситуации в рамках Конвенции. По оценке Группы имплементационной поддержки (ГИП), расходы на проведение СГУ в 2017–2020 гг. составили 208 100 долл. [33].

Через год на Совещании государств-участников (Женева, 3–6 декабря 2019 г.) государства-участники продвинулись в подготовке содержательной основы для Обзорной конференции 2021. В 2020 г. в рамках КБТО встречи экспертов должны проводиться 25 августа – 3 сентября.

Пандемия «Covid-19» выявила несколько важных моментов, которые будут оказывать влияние на сферу военно-технического сотрудничества и контроля над биологическими угрозами «Большой Евразии».

1) Российская стратегия (вестфальского мира), заключающаяся в усилении преимущественно через развитие собственного потенциала в условиях пандемии, получила новый импульс. «Одновременно поведение Пекина на внешней арене становится все более самоуверенным и напористым, отражая и взгляды Си Цзиньпина как верховного лидера в условиях нарастающего противоречия с США» [27]. Для формирования продвинутой стадии военного сотрудничества такие условия могут стать непреодолимым препятствием.

2) Спад торговли и нарушение производственных и логистических цепочек в результате закрытия границ может заметно снизить уровень военно-технического сотрудничества членов «Большой Евразии» и, прежде всего, Китая и России. До конца не прояснён момент, как Россия и Китай собираются гарантировать безопасность своих проектов в сфере военно-экономического сотрудничества.

3) Недостаточное внимание и оценка степени угрозы вспышке нового заболевания как членов мирового сообщества, в том числе и членов «Большой Евразии», так и международных организаций (СБ ООН, ВОЗ). Быстрое распространение нового коронавируса – это результат «бездействия пугающих масштабов» [4]. Такой удар, безусловно, усиливает изоляционистские настроения стран-членов «Большой Евразии» и снижает общий уровень сплочённости.

4) Биозащита и биобезопасность относятся не только к работам, проводимым в лаборатории, но и к тому, на что влияют эти работы вне лаборатории (случайные вспышки заболеваний среди людей, животных или растений). До недавнего времени считалось, что угроза преднамеренной биологической атаки незначительна в рамках более широкого спектра возможных угроз (международный терроризм, военные конфликты, ядерное разоружение) [6].

5) Как заметил в своём докладе К. ван дер Бругген, «обсуждения, проводившиеся последние несколько лет, показали, что существует своего рода недоверие между учеными биологами и специалистами по вопросам безопасности, которые неожиданно появились на научной сцене» [6]. Следствие недоверия – недооценка степени угроз пандемии “Covid-19”.

6) Эффективность международного регулирования зависит от существования эффективной национальной системы биобезопасности, т. е. напрямую зависит от состояния системы здравоохранения каждого члена пространства «Большой Евразии».

7) Режим КБТО, к которому относятся члены пространства «Большой Евразии», как было сказано выше, имеет достаточно много недостатков и требует радикального обновления и пересмотра в условиях современных реалий. Правительства должны разработать четкие нормы и законы, которые не могут иметь двоякого толкования.

Список литературы

1. Балаов А. Невооруженным глазом: о необходимости укреплять конвенцию, запрещающую бактериологическое оружие // Международная жизнь.

Архив 8 номера 2017 г. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1899> (дата обращения: 15.11.2020).

2. Бордачев Т. Биполярное расстройство // Профиль. Еженедельный журнал [Электронный ресурс]. – URL: https://profile.ru/columnist/bipolyarnoe-rasstrojstvo-271423/?fbclid=IwAR1aCyqHENwxxzDYuT38gv6CmpecgEVxE5gatz1_7SI2a-4uhfZUZl8qncr8 (дата обращения: 15.11.2020).

3. Бордачев Т. Евразийская интеграция: есть ли повод для беспокойства? // Валдай. Международный дискуссионный клуб [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-bespokoystvo/?fbclid=IwAR1EvVtZPyYTuA-hhEAU5XKXhfibQY7xRm0fZ2OFiBJk1ukbjcINMUjShbg> (дата обращения: 15.11.2020).

4. Блокманс С. Коронавирус и Евросоюз. Убивает или делает сильнее? // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/81401> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Братерский М. Международная жизнь после пандемии: экономика, идеология, политика // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/daleko-li-do-vojny/> (дата обращения: 15.11.2020).

6. Тренин Д. Вирус и миропорядок // Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegie.ru/2020/03/30/ru-pub-81416> (дата обращения: 15.11.2020).

7. Ван дер Бругген К. Проблемы биобезопасности 21 века: эксперименты с приобретением функции // Предотвращение биологических угроз: Что можно сделать. Руководство по вопросам биобезопасности и способам их решения [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/A20909F15B8F038BC125823C00347EF5/\\$file/Biological+Security+Guide_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7-](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/A20909F15B8F038BC125823C00347EF5/$file/Biological+Security+Guide_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7-)

%D0%A7%D1%82%D0%BE+%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE+%D1%81%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

8. Громыко А. Коронавирус как фактор мировой экономики // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/koronavirus-kak-faktor-mirovoy-politiki/?sphrase_id=35310848 (дата обращения: 15.11.2020).

9. Гушин А., Пылова О. Пандемия по-украински: как это и что с этим делать // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pandemiya-po-ukrainski-kak-eto-i-cto-s-etim-delat/> (дата обращения: 15.11.2020).

10. Давлашян Н. COVID-19: как создают вакцину? [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.euronews.com/2020/02/22/ru-vaccine-explainer> (дата обращения: 15.11.2020).

11. Данилов Д.А. Европейская безопасность: новые военно-политические реалии // Европа XXI века. Новые вызовы и риски: [монография] / [Ал.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Фёдоров и др.]; под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. – М., СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 528.

12. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской народной республикой // МИД России. 18 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 15.11.2020).

13. Кашин В.Б. Перерыв подходит к концу? // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-prodhodit-k-konczu/> (дата обращения: 15.11.2020).

14. Кашин В.Б., Дружинин А.И. Безопасность в Большой Евразии: российская политика в сфере обороны и безопасности // Россия в формирующейся Большой Евразии / В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. – С. 83; Лукин А.В. Российско-китайское сближение и структура международных отношений // Новые международные отношения: основные

тенденции и вызовы для России. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 295.

15. Королев А.Н. Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naskolko-blizki-rossiya-i-kitay-voenno-strategicheskoe-sotrudnichestvo-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 15.11.2020).

16. Конвенция 1972 года о запрещении биологического оружия // МККК [Электронный ресурс].

17. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Внешняя политика. Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/80410 (дата обращения: 15.11.2020).

18. Лобзин Ю.В., Лукин Е.П., Лукин П.Е., Усков А.Н. Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее // Медицина экстремальных ситуаций [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioterrorizm-v-ryadu-biologicheskikh-ugroz-proshloe-i-nastoyashee> (дата обращения: 15.11.2020).

19. Лукин А.В. Российско-китайское сближение и структура международных отношений // Новые международные отношения. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 295.

20. Марков А. Информационная безопасность в условиях пандемии // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/> (дата обращения: 15.11.2020).

21. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters> (дата обращения: 15.11.2020).

22. Совещение государств – участников Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Женева, 4–8 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/bwc/msp/2017/6> (дата обращения: 15.11.2020).

23. Суслов Д. Пандемия не смягчила конфронтацию, а стала одной из её арен // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/pandemiya-ne-smyagchila-konfrontatsiyu-a-stala-odnoy-iz-ee-aren/> (дата обращения: 15.11.2020).

24. Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. «Россия в формирующейся большой Евразии». – М.: «Издательский дом Кодекс», 2019 – С. 16–17.

25. Тасманова К. Шойгу рассказал об объемах военного сотрудничества России и Китая. – Федеральное агентство новостей. – 23 октября 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://riafan.ru/577174-shoigu-rasskazal-ob-obemah-voennogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 15.11.2020).

26. Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/81541> (дата обращения: 15.11.2020).

27. Умаров Т., Габуев А. Политика волков и масок: как Китай защищает свою репутацию в кризис // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegie.ru/2020/04/30/ru-pub-81701> (дата обращения: 15.11.2020).

28. Abdulrazaq T. International relations and power in the coronavirus age // TRT Word [Electronic recourse]. – URL: <https://www.trtworld.com/opinion/international-relations-and-power-in-the-coronavirus-age-34978> (accessed: 15.11.2020).

29. Biscop B. Coronavirus and Power: the impact on international politics // Royal Institute for International Relations [Electronic recourse]. – URL:

<http://www.egmontinstitute.be/coronavirus-and-power-the-impact-on-international-politics/> (accessed: 15.11.2020).

30. Haass R. At War With a Virus // Council on Foreign Relation [Electronic recourse]. – URL: <https://www.cfr.org/article/war-virus> (accessed: 15.11.2020).

31. Callaway E. The race for coronavirus vaccines: a graphical guide // Nature [Electronic recourse]. – URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-01221-y> (accessed: 15.11.2020).

32. Elron E., Shamir B., Ben-Ari E. Why Don't They Fight Each Other? Cultural Diversity and Operational Unity in Multinational Forces // *Armed Forces & Society*, 26 (1): 73–97, September 1999 [Electronic recourse]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0095327X9902600105?journalCode=afsa> (accessed: 15.11.2020).

33. Grunstein J. Why the Coronavirus Pandemic Won't Lead to a New World Order // *World Politics Review* [Electronic recourse]. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28646/why-the-coronavirus-pandemic-won-t-lead-to-a-new-world-order> (accessed: 15.11.2020).

34. Feakes D. Potential cost implications // United Nations Office for Disarmament Affairs [Electronic recourse]. – URL: [https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/DE0FCC2A5391979DC12581EF003C41C2/\\$file/Presentation+cost+estimates.pdf](https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/DE0FCC2A5391979DC12581EF003C41C2/$file/Presentation+cost+estimates.pdf) (accessed: 15.11.2020).

35. Haass R. At War With a Virus // Council on Foreign Relation [Electronic recourse]. – URL: <https://www.cfr.org/article/war-virus> (accessed: 15.11.2020).

36. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // *WSJ Opinion* [Electronic recourse]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005?fbclid=IwAR3CZxzwEwIir7qIzVyeKWAfm2SLG6188mwNNnKNRvBkuegOr33E1Fru-ZQ> (accessed: 15.11.2020).

37. Opinion: Putin's dangerous vaccine gamble. – URL: <https://www.ucl.ac.uk/news/2020/aug/opinion-putins-dangerous-vaccine-gamble> (accessed: 15.11.2020).

38. Pfizer and BioNTech Announce Vaccine Candidate Against COVID-19 Achieved Success in First Interim Analysis from Phase 3 Study [Electronic recourse]. – URL: <https://investors.biontech.de/news-releases/news-release-details/pfizer-and-biontech-announce-vaccine-candidate-against-covid-19> (accessed: 15.11.2020).

39. Rozman G. Sino-Russian Relations: Will the Strategic Partnership Endure? // 5 Demokratizatsiya. – 1998. – Vol. 6. – No. 2. [Electronic recourse]. – URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1997-811-09-Rozman.pdf> (accessed: 15.11.2020).

40. Secretary of Defense Memorandum, “The Defense Innovation Initiative”, November 15, 2014 // US Dept of Defense [Electronic recourse]. – URL: <https://archive.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf> (accessed: 15.11.2020).

41. Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. – Carnegie Endowment for International Peace, 2015. – P. 12.